

**"ЗАКОН" И "ГРАЖДАНИН" В РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ
XVIII ВЕКА**
**"Law" and "Citizen" in Russia in the Second Half of the
Eighteenth Century**

Елена Владимировна Белякова
Институт Российской истории РАН
(elbel@list.ru)
Elena Vladimirovna Beliakova
Institute of Russian History RAN
(elbel@list.ru)

Рецензия на книгу: Е. Н. Марасинова, *"Закон" и "гражданин" в России второй половины XVIII века: очерки истории общественного сознания*. Москва, Новое литературное обозрение, 2017. 512 с.

Review of E. N. Marasinova, *"Law" and "Citizen" in Russia in the Second Half of the Eighteenth Century: Essays on the History of Social Consciousness*. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2017. 512p.

Книга Е. Н. Марасиновой *"Закон" и "гражданин" в России второй половины XVIII в.* очень необычная. Начинается она, как и положено историческому исследованию, с обзора обширной историографии, из которой очевидно, что два похода: текстологический – т.е. анализ того, как употребляются термины в разного рода документах XVIII в., и исторический – употребление тех же терминов современными историками, изучающими XVIII в., так и не сошлись в одном пространстве, не стали предметом исследования, понимания, приведения в систему. Это позволяет историкам делать удивительные выводы об отсутствии сословий с XVII по XIX в., о "правовом" самодержавии. Автор указывает круг источников изучения "политического языка" и пути и методы извлечения необходимой информации.

После "Введения," вместо ожидаемого классического исследования понятий, начинается повествование о моратории на смертную казнь, введенном Елизаветой Петровной (глава "Закон Божий и закон государственный"). Это действительно захватывающее чтение, которое вводит нас в правовую реальность XVIII в. о неизданном законе, о тайном моратории, о котором по сути не было объявлено. На с. 76 читаем: "Указ, приостанавливающий смертную казнь и политическую смерть, был составлен собственноручно императрицей в мае 1744 г. в качестве заключения по поводу представленного ей доклада Сената на тех же листах. Этот подлинник немедленно скрыли в Секретной канцелярии." На протяжении всего царствования Елизаветы Петровны все приговоры о смертной казни должны были поступать государыне на утверждение. За 10 лет скопилось 279 приговоров к смертной казни и 3579 нерассмотренных дел, связанных с убийством, воровством и разбоями.¹ Чем же

¹ Е. Н. Марасинова, *"Закон" и "Гражданин" в России второй половины XVIII в.: очерки истории общественного сознания* (Москва: Новое литературное обозрение, 2017), 77, прим. 34. (Е. Н.

руководствовалась Елизавета Петровна, наложившая этот мораторий? По многочисленным источникам, цитируемым автором, – только взятым на себя перед Богом обетом. Чтобы справиться с осужденными на смертную казнь использовалось начатое еще при Петре I строительство порта в заливе "Рогервик," где арестанты были обречены на смерть. Рогервикская каторга – малоизвестный эпизод в русской истории, хотя может служить прообразом "великих строек" XX века. Императрица боролась и с "политической смертью," хотя российское законодательство не знало подобного наказания. Автор приводит те случаи, когда публично объявленная смертная казнь отменялась в последний момент чтением приговора о помиловании.

Перед нами удивительное явление, длившееся 20 лет, в течение которых не отмененная формально смертная казнь не производилась, и делалось это по воле императрицы и вопреки элите, составлявшей планы Нового Уложения с широким употреблением разных видов смертной казни. Нам еще предстоит осмыслить этот факт и попытаться понять, какой же след он оставил в истории России. Каким образом, под влиянием каких представлений сформировалось это отношение к смертной казни у императрицы – этот вопрос остается без ответа.

В разделе "Церковное покаяние по светскому суду" показано отношение к смертной казни Екатерины II. Священное писание служило для обоснования законности смертных казней, а приговоры превращались "в политические памфлеты для целенаправленно создаваемого имиджа власти."² Но и в это царствование речь о "смертной казни" шла преимущественно, как показывает автор, в контексте монаршей милости, освобождающей от исполнения приговора.³ Е. Марасинова убедительно показывает, что убийство крепостного и дворянина наказывалось одинаково. Однако из приводимых случаев видно, что у убийц часто было представление о допустимости убийства крепостных. В этом же разделе имеется и очень интересный материал о новой роли церкви: священников использовали для дознания, что давало возможность отменить пытки. Из текста, однако, неясно, что должен был делать священник в случае успешности своей миссии: записывать признание преступника, составлять экстракт или препровождать преступника следователю.

Религиозные практики неожиданно вторгаются в русские суды в виде процедуры "покаяния," к которым приговаривают светские суды. Однако инициатива идет не от православной церкви: как отмечает автор, "в принятии решений о наказании мирян покаянием за смертные деяния духовенство вообще не участвовало, а его представители выполняли лишь функции охранников и смотрителей в монастырях, которые отчасти были превращены в тюрьмы."⁴ Покаянию как институту отведено значительное место в исследовании. Очень важно, что показана связь с лютеранскими представлениями о наказании. Практика покаяния как-то "выпадает" из истории церковного суда, потому что приговаривал к нему светский суд. Но и историки права также не обращали на этот феномен должного внимания. Эта практика в данном исследовании впервые в нашей исторической литературе разобрана с привлечением значительного круга архивных источников. Очень

Marasinoва, "Zakon" i "Grazhdanin" v Rossii vtoroi poloviny XVIII v.: ocherki istorii obschestvennogo soznaniia (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017), 77, footnote 34).

² Там же, 123. (Там же, 123).

³ Там же, 125. (Там же, 125).

⁴ Там же, 163. (Там же, 163).

интересно наблюдение о том, что уже с первых дней своего правления Екатерина II выносит решения о наказании покаянием.

Неисследованность темы публичного покаяния и неясность его появления в русском светском праве заставляет автора дать краткий очерк публичного покаяния. Конечно, это непростая задача и здесь мы хотели бы сделать дополнения. Действительно, публичного покаяния не было в практике Русской Церкви начального периода, но о нем было хорошо известно из правил Василия Великого, а также из статей Пролога. К тому же приговоры церковных судов отправляли обвиненных в ереси в монастырь до полного покаяния, как это было с Максимом Греком. XVII век и в этой области дал много нового. К публичному покаянию был приговорен Дионисий Зобнинский. Его не только определили на смирение в Новоспасский монастырь, но привозили на патриарший двор, где "заставляли класть поклоны под открытым небом перед собравшимися толпами народа."⁵ Москвичи публично каялись перед патриархами Гермогеном и Иовом за клятвопреступление 14 февраля 1607 г., а инициатором выступил царь Василий Шуйский.⁶ Публичный характер имели, возможно, и принесенные покаяния противников никоновских реформ перед Собором 1667 г. Как показала Е. М. Юхименко, старца Ефрема Потемкина отправили публично читать "покаянное письмо" в тех местах, где он вел свою проповедь: Балахне, Нижнем Новгороде, Макарьевском монастыре.⁷ Автор указывает, что Соборное Уложение 1649 года также предусматривало публичное покаяние для отца и матери, убивших ребенка. Так что, возможно, не только западноевропейский опыт вдохновлял Петра I и Екатерину II. Очень увлекательно описан придуманный Екатериной II спектакль для наказания Жукова и его супруги, причем автор прослеживает и дальнейшую судьбу преступников, которая оказалась для них хуже смертной казни. Автор убедительно показывает, как *Закон Божий* был поставлен на службу государству, служил сакрализации власти монаршей. Монарх брал на себя заботу о душах подданных.

Вторая глава "Закон" возвращает нас к "Введению." Автор останавливается на понятиях *закон, манифест, указ, инструкция, регламент, реляция*, а также исследует разницу между *законом и волей государя* в самодержавной России. Автор обращается к таким явлениям, как "законодательный фольклор," или попытки представителей различных сословий составлять ложные законы и царские указы. На основании множества источников показано, что же понималось под "законом" теми, кто его создавал в XVIII в. Закон – это источник поддержания государственной власти в лице самодержца. Очень важна мысль автора о том, то подобное понимание закона "препятствовало формированию собственно правового мышления."⁸ Тем не менее, сами государи пытались различать закон и прихоть. Закон должен был получить соответствующее оформление,⁹ а в обществе

⁵ Макарий (Булгаков), *История русской церкви*, книга 6 (Москва: Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996), 119. (Makarii (Bulgakov), *Istoriia russkoi tserkvi*, book 6 (Moscow: Spaso-Preobrazhenskogo Valaamskogo monastyria, 1996), 119).

⁶ Там же, 91-2. (Tam zhe, 91-2).

⁷ Е. М. Юхименко, "Новое о старце Ефреме Потемкине," *Старообрядчество в России XVII-XX века* Вып. 4 (Москва: Языки славянских культур, 2010), 21-36. (E. M. Ukhimenko, "Novoe o startse Efreme Potemkine," *Staroobriadchestvo v Rossii XVII-XX veka*, vypusk 4 (Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur, 2010), 21-36).

⁸ Марасинова, "Закон" и "Гражданин," 219. (Marasinova, "Zakon" i "Grazhdanin," 219).

⁹ Там же, 223. (Tam zhe, 223).

постепенно формировалось уважение к нормативным актам и строгой регламентации.¹⁰ Специальный раздел посвящен *Наказу*, о котором исследователь приводит диаметрально противоположные суждения. Автор определяет круг лиц, к которым был обращен *Наказ*, и показывает, что власть ведет диалог только с высшим сословием, избегая обращения к податному. Е. Н. Марасинова подчеркивает вслед за Ю. Лотманом разрыв между миром закона и реальностью, закон понимался как "идеальная абстракция," к которой должно стремиться.¹¹ При этом связи между законом и справедливостью не возникало, только монарх мог восстановить справедливость. Эта исключительная функция самодержца усиливала его значение в глазах общества.

И наконец, самая небольшая глава исследования носит название "гражданин." И это понятно: хотя слово и существовало в русском языке, но не оно характеризовало взаимосвязь с самодержцем. Петровский указ отменил в челобитных подписи "холоп" и "сирота" и заменил в 1702 г. на "нижайшего раба." В 1786 г. Екатерина II заменяет "раба" на "подданного," или "верного подданного," отменяет и слово "челобитная." Автор показывает, какую нагрузку несло слово "верный подданный," "древние" и "новые" подданные, как расширение империи обосновывало терпимость к другим верам. Показано, как меняется понятие "гражданин" в европейских странах во второй половине XVIII в., как растет понимание "гражданина" как свободного человека, обладающего правами. В России же слово "гражданин" удивительным образом становится понятием, оправдывающим крепостничество,¹² и употребляется исключительно в контексте "обязанностей."

В Приложении читатель найдет два документа: один принадлежит перу императрицы и представляет собой проект *Наказа Сенату о самодержавной и законодательной власти императорского величества*, другой – рукопись "политического содержания" с критикой политики Екатерины II.

Несомненно, что данное исследование – прорыв в изучении политического языка эпохи. Впервые на основании челобитных показано, как власть законодательно определяла их формуляр, тем самым уравнивая все население по отношению к монарху. Можно не соглашаться с автором в том, что "понятие раб было практически лишено уничижительного значения" (с. 336), потому что "раб Божий" и "раб монарха" все-таки имели разное звучание. Но это замечание касается трактовки источников. Исследователь продемонстрировал знание значительного круга источников разных видов, применил методики семиотического и текстологического анализа, и не побоялся ввести в научный язык историков методы *Begriffsgeschichte*. Одновременно очень талантливо читатель оказывается погружен в эпоху, перед ним встают образы преступников, а с другой стороны – "благочестивых" императриц, создающих новые законы на "благо подданных" или зрелища с воспитательной целью и при этом укрепляющих свой статус самодержцев.

¹⁰ Там же, 233. (Там же, 233).

¹¹ Там же, 317. (Там же, 317).

¹² Там же, 381. (Там же, 381).